

Ян Сюцуй, видя, что он задыхается от кашля, принялась загонять воздух обратно в лёгкие:

— Ты, бессердечный! Даже если старик тебе не родной дед, ты ведь столько лет называешь его дедом Гуань. Теперь ты доволен, что довёл его до такого состояния?

Ян Сюцуй всегда была грубой, и Чжао Шэнгу не стал с ней спорить, повернувшись к Гуань Маньцану:

— Дядя Гуань, а ты считаешь Юаня своим сыном?

Гуань Маньцан, под взглядом Чжао Шэнгу, слегка отклонился:

— Да ладно тебе! Не дали супа — и начали про сыновей говорить!

— Хорошо. Тогда спрошу: если бы сегодня Гуань Юй не вернулся на обед, ты бы тоже оставил это без внимания?

— Что за сравнение! Юй-то не этот щенок!

Сказав это, Гуань Маньцан понял, что проговорился, и украдкой посмотрел на Гуань Юаня.

Гуань Юань оставался бесстрастным. Он никогда не питал надежд на Гуань Маньцана, поэтому такие слова не вызвали у него никаких эмоций.

Чжао Шэнгу с болью в сердце крепко обнял Гуань Юаня, поглаживая его по спине. Он внимательно оглядел всех членов семьи Гуань, задумался и, наконец, обратился к уже пришедшему в себя Гуань Хэ:

— Дедушка Гуань, я собираюсь забрать Юаня и жить отдельно!

— Что?! Не согласен!

Гуань Хэ действительно испугался. Если они позволят детям уехать, то сплетники начнут болтать, и им будет стыдно. К тому же, они договорились содержать Чжао Шэнгу до совершеннолетия, и в деревне есть документ. Если они уедут сейчас, они не получают все деньги.

Гуань Маньку усмехнулся:

— Ты, малый, без дома и земли, где ты будешь жить, что есть? Даже если у тебя есть немного денег, еду и вещи не купишь просто так.

Остальные тоже смотрели на Чжао Шэнгу с усмешкой, словно слышали какую-то шутку.

Гуань Юань с удивлением посмотрел на Чжао Шэнгу. Когда он это решил? Почему не сказал ему!

— Сейчас я могу сам обрабатывать землю. Если нет земли, можно освоить целину. Если нет дома, построю хижину. В деревне есть люди, которые так живут, и ничего. У меня есть немного денег, плюс доход от продажи рыбы, постепенно всё наладится.

Семья Гуань, видя, что он всё продумал, забеспокоилась. Если этот парень уйдёт, он начнёт требовать деньги. Даже если он не будет требовать, деревенские сплетники начнут их доносить.

Их опасения подтвердились, когда Чжао Шэнгу спокойно произнёс:

— Конечно, если я уйду, то деньги, которые вы получали, придётся пересчитать. Иначе дяди и тётки в деревне, которые с вами спорили, не согласятся.

Сказав это, он улыбнулся.

Гуань Юань мысленно аплодировал. Его брат действительно мастер слова, ему даже не пришлось вмешиваться.

Семья Гуань, видя его улыбку, почувствовала тяжесть. Хотя он немного преувеличивал, но если он действительно так поступит, это создаст им немало проблем.

Гуань Хэ снова закашлялся, взглянув на Гуань Юаня:

— Шэнгу, если ты настаиваешь на переезде, я не буду тебе мешать...

Не дав ему договорить, братья Гуань Маньцана закричали:

— Отец...

Гуань Маньку заволновался:

— Отец, ты что, с ума сошёл? Он сейчас не может уйти!

Гуань Маньцан сердито посмотрел на него:

— Но Гуань Юань — мой родной внук, плоть от плоти семьи Гуань. Мы не можем позволить ему уйти с чужим человеком.

Остальные поняли намёк Гуань Хэ, и их глаза загорелись:

— Именно, именно, ты можешь уйти, но Гуань Юань должен остаться.

Ян Фэйфан на этот раз проявила сообразительность:

— Ты уйдёшь, и я наконец избавлюсь от этого щенка. Теперь смогу воспитывать его, как захочу.

— Если ты посмеешь тронуть его хоть на йоту, я в десять раз жестоко отомщу твоему сыну. Сказал — сделаю, — хотя Чжао Шэнгу понимал, что Ян Фэйфан просто провоцирует его, он не смог сдержать гнева.

Гуань Хэ кашлянул, теперь он точно понял, какую роль Гуань Юань играет в сердце Чжао Шэнгу, и уверенно заговорил:

— Шэнгу, вот что. Ты можешь жить с Юанем отдельно, оставайтесь в своём доме, готовьте себе еду, но с одним условием: больше не говори о пересчёте денег и не распространяйся об этом. Мы тоже ничего тебе не дадим.

Чжао Шэнгу, ожидая большего сопротивления, был удивлён, что всё прошло так быстро, и не стал дальше спорить.

— С первым я согласен, но добавлю одно: с этого момента Юань не имеет к вам никакого

отношения. Вы больше не будете вмешиваться в его жизнь и не будете приставать к нему. Если вы нарушите хоть одно условие — я всё расскажу!

Гуань Хэ пристально посмотрел на Чжао Шэнгу и, наконец, сквозь зубы выдавил:

— Хорошо.

Ян Фэйфан, услышав это, рассмеялась:

— Мы будем приставать к нему? Смешно! Если вы сдохнете с голоду, не приходите к нам просить подаяния.

Чжао Шэнгу и Гуань Юань сделали вид, что не слышат её.

После ухода Чжао Шэнгу и Гуань Юаня, Гуань Маньку поднял большой палец в сторону Гуань Хэ:

— Отец, ты молодец. Теперь мы не только избавились от двух нахлебников, но и получили выгоду.

Остальные поддержали.

Вернувшись домой, Гуань Юань с восхищением посмотрел на Чжао Шэнгу:

— Брат, ты такой умный! Теперь мы можем не иметь с ними дела!

Чжао Шэнгу погладил его по голове:

— Пока только так. Но я обязательно найду способ уехать отсюда.

— Я верю, — Гуань Юань прижался к Чжао Шэнгу, его голос звучал радостно.

— Мы можем заделать дверь в этом доме, сделать вход с другой стороны, построить печь, освоить целину. Я обязательно найду способ заработать, чтобы ты мог есть, что захочешь, носить, что захочешь, и учиться в школе, поступить в университет.

Гуань Юань, слушая мечты Чжао Шэнгу, улыбнулся.

Чжао Шэнгу всегда был человеком действия. На следующий день он пригласил деревенских плотников и мастеров, и отец Гуань Муму, Гуань Шулинь, тоже был среди них.

Гуань Шулинь, по сравнению с обычными северянами, был немного слабее, с мягкими чертами лица и спокойной речью. Вспоминая слухи о матери Гуань Муму, Гуань Юань подумал, что хороший мужик, да вот жена попалась ленивая.

Работа шла быстро, и за день всё было готово. Каждый получил свою плату и ушёл довольный.

Хотя они понимали, что люди будут шептаться, Чжао Шэнгу и Гуань Юань не стали ничего объяснять. Если слухи распространятся, они ничего не говорили, и винить их будет не в чем.

Весь день в задней части дома раздавались стуки и шум. Семья Гуань не могла этого не заметить, но, не желая скандалить при чужих, Гуань Хэ и его сыновья ждали, пока все уйдут. Как только мастера ушли, Гуань Хэ с братьями решительно направился к ним, а за ними следовали Ян Фэйфан и Ли Юэчжи, чтобы посмотреть, что происходит.

Дом Гуань находился в конце деревни, позади был небольшой пустырь. Поскольку Чжао Шэнгу и Гуань Юань заделали дверь в дом, Гуань Хэ и его сыновья были вынуждены обойти дом снаружи.

Гуань Хэ, с лицом, чёрным от гнева, сказал:

— Шэнгу, ты же обещал никому не рассказывать. Что это за дела? Неужели ты хочешь нарушить своё слово?

Гуань Юань громко ответил:

— Мы ничего не говорили.

— Вы-то не говорили, но сегодня было столько людей, и кто знает, что они теперь расскажут!

Чжао Шэнгу пожал плечами:

— Я не могу это контролировать. Придумай сам причину, лишь бы она нас не чернила.

Гуань Хэ подумал и согласился. Ян Фэйфан и Ли Юэчжи, увидев новую печь, загорелись завистью. Им тоже хотелось жить отдельно.

Гуань Хэ и его сыновья пришли с гневом и ушли с гневом.

Как Гуань Хэ всё объяснил, неизвестно, но слухов о том, что семья Гуань заделала дверь, в деревне не было.

Гуань Юань и Чжао Шэнгу пока что лишь временно отделились от семьи Гуань; полностью разорвать отношения пока нереально.

<http://bllate.org/book/16465/1494781>